

Ольга Савельева

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ «Апельсинки», «Попутчица»,
«Два сапога», «Ну ма-а-ам!», «Лучше» и «Седьмая»

ПЛОХорошо

**окрыляющие рассказы, превращающие
черную полосу во взлетную**

Ольга Александровна Савельева ПлоХорошо. Окрыляющие рассказы, превращающие черную полосу во взлетную Серия «Записки российских блогеров»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55345048

*Ольга Савельева – ПлоХорошо. Окрыляющие рассказы, превращающие
черную полосу во взлетную: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-113512-6*

Аннотация

Что такое кризис? Это переломный момент, крутой поворот. У этого слова нет негативного смысла, им его наделили мы сами. А ведь переломный момент – это всегда надежда, новые возможности и мечты. Так как же выбрать правильный «поворот»? Как найти в себе силы не цепляться за рухнувшее прошлое и смело взглянуть в будущее? И, в конце концов, как прожить любые трудности так, чтобы они стали точкой отсчета в новой, лучшей жизни?

Ольга Савельева собрала множество идей, чем можно заняться в кризис. Каждый из рассказов этой книги назван глаголом и

потому не может не побуждать к действиям: мечтать, любить, искать! А с какого глагола начнете вы?

Содержание

Посвящение	6
Введение	8
Мечтать	10
Любить	21
Ждать	31
Жить	38
Не сдаваться	47
Бороться	54
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Ольга Савельева

**ПлоХорошо. Окрыляющие
рассказы, превращающие
черную полосу во взлетную**

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Посвящение

Эту книгу я посвящаю людям, которые меня вдохновляли весь период кризиса.

Это мои маяки. А их фразы стали для меня спасательными кругами.

Мой редактор Наталья Румянцева: «Напиши книгу про людей в кризис. Только люди устали от кризиса, можешь обойтись без слова „кризис“? Ну, в книге про кризисы без слова „кризис“ можешь? Я в тебя верю».

Моя подруга Оля Овчинникова, стюардесса, об отмене международных рейсов: «В смысле, закрыли небо? Подними голову, видишь небо? Небо нельзя закрыть. Оно всегда у нас над головой, свобода внутри, а крылья за спиной.

А наши полеты еще впереди!»

Моя подруга Анастасия Татулова, владелица семейных кафе «АндерСон», на встрече с президентом: «Мне сказали, нельзя спорить с президентом, но можно я немножечко...»

Мой друг Петр З. сорока четырех лет: «Кризис выкорчевал из меня остатки инфантильности. Прямо скоростное такое взросление за месяц. Спасибо кризису за то, что у Петеньки появилось отчество».

Мой сын Данила: «Как будто кто-то подарил мне каникулы, а я, в принципе, и не просил».

Моя сестра Ира: «Еще немножко – и у меня окончательно

треснет энтузиазм...»

Моя тетя Лида: «Скоро все расколдуется. И когда все закончится – все начнется».

Ребята, все начнется!!!

Введение

Идея написать книгу о том, как люди справляются с кризисом, самой находясь в его пекле, сразу показалась мне удачной.

Это как вести прямую трансляцию прямо во время путешествия: ничего не надо выдумывать – просто выгляни в окно.

Но ключевое слово в книге не «кризис», а «справиться».

Справиться – это не значит проснуться утром, а кризиса нет, ты беспечно счастлив и на счету миллион.

Справиться – это перестать тратить силы и время на сопротивление кризису, пережить трансформацию, по возможности насладиться ею и познакомиться со своим новым Я. Тем, что стало мудрее и опытнее благодаря кризису.

Кризисы семейные, мировые, карьерные, кризис среднего возраста, кризис самоопределения... Уф-ф-ф, сколько их.

Невозможно в жизненном марафоне оббежать эти испытания по тайной траектории, на которой нет кризисов: непременно придется врезаться в них и научиться проживать их по-взрослому.

Название каждого рассказа задумано мной как рекомендация, если не сказать, как заповедь, соблюдение которой поможет пережить каждую сложную жизненную ситуацию.

Любой кризис безжалостно выкорчевывает из нас инфан-

тилизм и слабости, закаляет, выливает ушат холодных прозрений.

А книга эта придумана, чтобы вдохновлять, потому что рефреном в каждом рассказе звучит мысль: «Тебе по плечу справиться с любой напастью! Смотри: кто-то когда-то это уже сделал! А значит, и ты сможешь!»

Главная цель проживания любого кризиса – остаться хорошим человеком.

Кризис закончится, а человек нет.

Как здорово, что все мы продолжаемся!

Спасибо, что читаешь эту книгу, хороший человек!

Мечтать

Ксюша стояла, прислонившись спиной к стене огромного серого здания, придушив рукой за горлышко открытую бутылку вина. Она была немножко пьяна. Не в той стадии, когда стыдно, а в той, когда хочется правды.

Просто Ксения обычно совсем не пьет, а для человека без опыта в этом вопросе даже первые два глотка могут стать роковыми. Все произошло спонтанно и экспрессивно. Я сама не поняла, как.

Мы отмечали прошедший Ксюшин день рождения, гуляли по Москве, ели мороженое. Две трезвые, непьющие, порядочные, замужние женщины-матери.

– Я такая правильная, что меня тошнит от самой себя, – вдруг призналась Ксюша.

Вот прямо без перехода, а мы до этого о готовке говорили. Оказалось, от рецепта рыбных пельменей до обжигающего душевного стриптиза один шаг.

– Что это ты? – удивилась я.

– Ну правда, Оль... Я перехожу дорогу по пешеходному переходу, не мочу манту, не делю на ноль, пристегиваюсь, не превышаю, не нарушаю, я вся такая ответственная, что тошно... Вечная отличница. Я не помню ни одного бунта или хулиганства со своей стороны... Я разучилась быть ребенком. Мой внутренний ребенок сразу постарел и уже на пенсии.

– Ой, ну перестань! Значит, у тебя просто нет потребности в бунте. Ну да, ты не акробатишь по жизни, не выдаешь кульбиты, ты – солидная взрослая женщина. Что в этом плохого или неправильного? Стабильность – это заманчивое постоянство, а не болото и застой.

– Болото! Болото! Болото! Давай напьемся, Оль?

– Я не умею, прости. Катастрофически не умею. Мне плохо от алкоголя: ноги тяжелеют, голова болит. Я совсем не понимаю, как от него получать удовольствие.

– Да мы не будем напиваться в зюзю, мы вообще не ради опьянения, а просто как бунт. Давай найдем бутылку и пригубим за компанию...

– Ксю, уже поздно, нам, слава богу, не продадут алкоголь в это время в Москве.

– Нам? Нам не продадут? Тебе, миссис-язык-без-костей, и мне – домохозяйке, состоящей сразу в шести родительских чатиках, не продадут алкоголь? Ты шутишь? Да для нас не существует закрытых дверей!

Ксюша была убедительна.

Дальше – криминальное.

Мы провернули подпольную операцию в небольшом подвальном магазинчике, договорились с охраной, подмигнули кассиру, сверкнули деньгами, и нам через заднюю дверь вынесли бутылочку вина. Ух ты! Получилось!

Нам было весело, потому что мы, хоть и совершали всего лишь административное правонарушение, чувствовали себя

настоящими хулиганками.

Потом мы еще раз с серьезными лицами вошли в этот магазинчик и, уже официально, купили штопор и стаканчики.

А что? Штопоры продаются даже в полночь.

Затем мы, две клуши, долго мучились и не могли открыть бутылку (опыта нет совершенно), а потом открыли при помощи случайного прохожего, но умудрились потерять пробку вместе со штопором.

Бутылка, из которой Ксюша отпила три глотка, превратилась в обузу: выкинуть жалко, а пить больше не хочется.

И вот мы брели по какой-то аллее, щедро освещенной с двух сторон, болтали о мечтах, а Ксения вдруг встала как вкопанная, руку приложила к груди и говорит вдохновенно:

– Я всю жизнь, **ВСЮ ЖИЗНЬ** живу этой мечтой... Пони-маешь? А результат? Где мой результат?

Она произнесла это с таким выражением лица, будто точно знала: результат валялся у меня в кармане, а я упрямо отказывалась его предъявлять.

– У тебя же есть магазин авторской ювелирки, – напомнила я Ксюше, адвокатируя ее результат.

– В Инстаграмчике? Пффф. Не считается. Я хочу повзрослому. Шоу-рум. Шоу-рум маст гоу он!

– Все хотят, Ксюш. Все хотят свой ресторан. Свой магазин. Свой шоу-рум. Но ты не сделала этого не потому, что ты ленивая, а потому что это дорого и рискованно. А ты – обычная мама, у которой трое детей, и, пока у тебя дети, у тебя

всегда будет куча других потребностей, кроме своих мечт. Совершенно нормально, что ты боишься рискнуть и не выплыть, получив в приданое долги и психологические травмы от разбитой мечты.

– О-о-о, ты – адвокат моих дьявольских страхов. Долги и травмы – это опыт. Я его хочу.

– Чего ты хочешь? Проблем?

– Магазин хочу. Шоу-рум авторской ювелирки.

– Ну, если действительно хочешь, подбирай место. В твоём районе наверняка есть пустующие офисы.

– В моем районе? – Ксюша пьяненько засмеялась. – Мой район о-о-очень далеко от центра. Кто, скажи на милость, поедет ко мне в замкадьё за колечком? Ты будешь ехать два часа по пробкам? Во-о-о. И никто не будет! Я хочу магазин прямо вот здесь!

Ксения встала в позу полководца и грозно топнула ногой. Не удержала равновесия, запуталась в ногах и полах пальто, споткнулась о бордюр, расплескала вино.

– С ума сошла? Это центр. Бронная! – засмеялась я, придерживая подругу за локоть и при этом, пытаясь увернуться, чтобы красные полусладкие капли не попали на мою желтую парку.

– Мленькая или Блшная? – смешно теряя буквы, уточнила Ксюша.

– Большая...

– М-м-м, такая же большая, как моя мечта. Я вот и хочу

сразу ва-банк. Мне поздно уже входить в эту историю пошагово. Мне вот только в омут с головой... Сразу все как мечта. Без компромиссов.

– Ты сумасшедшая, мать!

– Понимаешь, иногда просто необходимо себе это позволить. Если и сейчас я уговорю себя не рисковать, я себе этого не прощу. Я обижусь на саму себя и уже через неделю устану от этой разрушительной обиды, которую никак не прогнать и не простить.

– Вот не живется тебе ровно. Мало адреналина? Вот прямо сейчас, на минуточку, мы, две оторвы, ночью зажигаем в самом центре столицы! «Москоу невер слипс!»

– «Оторвы»! Скажешь тоже. Просто две непьющие бабы купили бутылку вина и не пришли домой вовремя, как приходили всю жизнь. «Зажигаем!» Ты вон ни глотка не зажгла. Отличницы, изображающие протестных хулиганок, сделали по глотку вина и теперь не знают, что делать с остальной бутылкой.

– Ну и что? Все равно мы сегодня такие... ну, типа, свободные.

– Ага. Ключевые слова «ну, типа». Знаешь, вот в детстве, когда я хотела пить, мне никогда не давали молоко или сок из холодильника. Всегда подогревали или проверяли, чтобы питье было комнатной температуры. Мне казалось, что, глотни я холодного молока, прям замертво тут же свалюсь с ангиной. И вот знаешь... Я выросла и однажды прибежа-

ла домой разгоряченная и налила себе стакан холоднющего компота и – вжух – до дна! И это был такой кайф! До сих пор помню те мурашки. Я обожаю холодное, со льдом! Я это к тому, что вот теперь я себя чувствую, как тогда: разгоряченной, готовой прямо сейчас рискнуть. Я устала от ровной жизни комнатной температуры. Она же проходит, вот такая правильная вся, а когда же исполнять мечты? В старости?

– Мечты разные. Можно исполнить что-то попроще. Сгонять на море, я не знаю, купить дорогие туфли. А магазин со стоимостью аренды в сто миллионов – он может потом как бутылка вина оказаться, открытым и ненужным.

– Туфли и море – мечты двадцатилетней девочки. А мне сорок. Мои мечты повзрослели и стали обжигающе опасны. Я хочу магазин. На Большой Бронной. Или на Малой. Шоурум моей авторской ювелирки... У меня есть вкус. И страсть. Я хочу поймать в колечки и кулоны жизненную философию и подарить людям... Такую, чтобы вроде и серебро, а вроде и мотивация, понимаешь?

– Не совсем.

– Ну вот, – Ксюша закатала рукав кофты по локоть, – видишь, у меня браслетик на руке с надписью «Можно!». Я привыкла сверяться с часами, а сейчас, когда сомневаюсь в чем-то или не решаюсь на что-то, сверяюсь со своим запястьем, а там серебряная подсказка. Хочу еще таких же фраз. Типа «Когда, если не сейчас?», «Дерзай». Топливо для самомотивации такое.

– «Когда, если не сейчас?» Класс! Идея – бомба, – честно признаюсь я.

– Или еще представь, художественно гнутая пластинка на руку из серебра с гротескно «корявой» надписью «Неидеальная». Как я. Воплощенная я.

– Хочу себе тоже!

– Или кольцо с лицом Зевса, можно подарить мужчине и сказать: «Ты мой Бог». Или кольцо с гравировкой: «океан». «Ты мой океан...» Или... Ну вот такое все хочу.

Ксюша сделала еще глоток и поморщилась. Она не хочет пить. Она хочет домой. И больше ни дня не жить без мечты.

Ксюша поставила бутылку в урну.

Она больше не нужна, ее роль в этом эпизоде закончена. Она подарила Ксюше три глотка красного полусладкого приключения и важное осознание: «Можно» на запястье – это не разрешение, а практически приказ.

На старт, внимание, можно!

– Ксю, вот ты мне сейчас страстно продала свою мечту. Я специально проверяла тебя, якорила, приземляла, мол, да не надо тебе этих проблем, забей. А ты не слышишь «нет», ты уже мысленно там, в своем магазине, расставляешь свет по периметру, раскладываешь дизайнерские колечки, вешаешь сережки и кулончики. Ты готова залпом выпить обжигающе ледяную свою мечту – тебе уже можно. Я с тобой, дорогая, верю в тебя...

Через месяц в маленьком офисе на Большой Бронной от-

крылся магазин авторской ювелирной продукции Ксении Б.

А еще через месяц грянул кризис. Мировой.

Весна 2020. Повсеместный карантин.

Вирус лютовал на улицах планеты, загонял людей в квартиры, отбирал накопления, работу и перспективы. Никто не покупал ничего, кроме товаров первой необходимости. Ювелирка к ним не относится.

Ксюша пропала с радаров, а я боялась спросить. Боялась услышать: «Зря я это все затеяла, только свалилась в колодец долгов».

Я набрала Ксюше в апреле.

Взяла за правило каждый день звонить друзьям и поддерживать их морально. И вот пришла очередь Ксю.

– Ты как? – осторожно спрашиваю я.

– На паузе.

– Закрылась?

– Нет.

– В долгах?

– В адских.

– Что думаешь делать?

– Думаю идти за мечтой. Можно отобрать деньги и работу, а мечту отобрать нельзя. Я все равно буду дарить людям красоту, зафиксированную в серебре. Потом, когда все закончится, начнется новая жизнь. Тогда моя вдохновляющая ювелирка будет еще нужнее.

– Какая ты крутая! Что делаешь сегодня?

– Пока карантин – творю. Придумываю новые изделия. Вот как тебе, зацени идеи... Хочу создать кулон, в котором напишу прописью «Прямо сейчас». Хочу кольцо с печаткой в виде японского иероглифа «кризис», а внутри кольца выгравировано слово «возможности»; хочу брошку в виде трех воздушных шариков и надписи на них «Взлетаем!»; хочу браслеты для женщин «сильная», «необычная», «уникальная», а еще... – Ксюша перечисляет, перечисляет...

А я слушаю, и слезы гордости текут по моим щекам.

Я думаю о том, что Ксюша обманула свое здравомыслие и достала из-под полы себе в неурочное время щепотку безбашенности, поскребла по сусекам рискованности и, включив тумблеры смелости на максимум, конвертировала это все в открытие бизнеса.

Просто это была мечта, созревшая, набухшая, которая больше не помещалась в кастрюльке души, сбегала, переваливаясь за края как готовое тесто.

Когда, как не сейчас?

На взлете ее бизнес попытался сбить кризис. Он обстреливал ее из всех минометов, целился высокими арендами, сложными кредитами, яростной неопределенностью.

Но для Ксюши это не просто бизнес. Не просто открытая бутылка без пробки, которую можно взять и выбросить. Это, возможно, первый настоящий самостоятельный Поступок бунтарки, знакомство с самой собой в сорок лет: «Ай да я!»

Ксюша не сойдет с дистанции. Она создаст новые ювелирные формы. Поймает веру, надежду, несломленность, любовь в серебро, и выпустит их в виде сияющей новой коллекции.

Вдохновение, зафиксированное в металле. Его можно будет повесить на шею в виде кулона, надеть на палец в виде кольца или на запястье в виде браслета, подхватить волосы созданной вдохновением заколкой и взять его с собой в новую жизнь.

Ксюша подозревала, что легко не будет. Не подозревала, что настолько.

Жизнь комнатной температуры закончилась резко, и вся планета попала под холодный душ.

Но она не сломалась.

Бросить открытый бизнес, как открытую, больше ненужную бутылку в урну, можно в любой момент. Но там, в урне, в этом случае останется и Ксюшина вера в себя. Надо идти до конца.

Сегодня – самое сложное время для того, чтобы быть сильной, и именно поэтому так важно быть ею именно сейчас.

Ксюша понимает, что другого шанса не будет или в другой раз она не решится, поэтому спрашивает у меня, а точнее у себя:

– Кто, если не я? Когда, если не сейчас? Можно я прямо сегодня побуду сильной?

Ксюша не ждет ответа, она его знает.

Он, зафиксированный в слюдяном серебре, уже живет у нее на запястье.

МОЖНО!

Любить

Когда мне было восемь, в школе ставили новогоднюю сценку. Всем раздали роли.

Я, вечно всего стесняющаяся, осталась в массовке. Массовке была присвоена роль зимы. Все – снежинки, метели, вьюги, я – снеговик. Костюм – тяжелый, сложносоставной и объемный. Я была толстенькая и в этом костюме, надетом прямо на свитер для «устойчивости», отчаянно потела.

В день премьеры школьный актовый зал заполнили родители учеников. Сотни взрослых умиленных глаз.

А ко мне никто не пришел.

Обливаясь потом, я смотрела сквозь круглый шар снеговичной головы и искала родные глаза. А их не было. Наверняка на то были уважительные причины, но в восемь лет родные глаза критично важнее самых уважительных в мире причин.

Пока снеговик на сцене танцевал, я плакала там, внутри снеговика. От обиды, от жалости к себе, оттого, что зря потею, и что родные глаза не увидят мой смешной грустный танец.

Я хорошо запомнила, КАК это больно.

Запомнила, чтобы никогда – НИКОГДА! – не повторить такого с моими детьми.

Это теперь мой пунктик: ходить на все утренники, празд-

ники, соревнования и выступления моих детей. Повод не важен, важно, что мои дети смотрят в зал, а там родные глаза. В частности, мои. И никаких уважительных причин для их отсутствия.

Моя работа связана с частыми командировками. Составляя гастрольный график, заранее уточняю, когда в саду новогодний утренник или праздник весны/осени/чего-то там еще, когда в школе отчетные концерты сына, и резервирую эти даты в графике.

Это святое.

И вот в этом году...

Новогодний утренник дочери в детском саду назначен на 25 декабря.

Отлично. Я планирую гастроли так, чтобы вернуться к этой дате. И, вдруг, в разгар декабря смс от воспитателя: «Новогодний утренник переносится на 23 декабря!»

Как же так?!

23 декабря у меня выступление в другом городе! Я уже не могу его отменить. Никак. Иначе я подведу сотни людей.

А так я подведу одного человека, но самого важного. Точнее двух. Дочь и себя.

Однажды я, еще работая чиновником, отпрашивалась у начальника на выездное совещание в другой город, а он сказал: «Нет, ты не ходи: есть дела поважнее».

Мы стали спорить, расставлять приоритеты, и тут мне позвонили из сада и сказали, что у сына температура. Я еще

разговор не закончила, как начальник кивнул и рукой махнул, мол, иди, конечно.

Нет дела важнее, чем быть рядом со своим ребенком, когда ты ему нужен. Нет и не может быть.

Я расплакалась. Вспомнила танцующего на публике снеговика, плачущего внутри.

– Что случилось? – спрашивает муж.

– Я не попадаю к Катюше на новогодний утренник...

– Пфф, тоже мне проблема! – муж закатывает глаза. – Я схожу вместо тебя, не переживай.

– Ты не понимаешь! Мне это важно. Очень важно!

– Понимаю. Поэтому и говорю: я тебя подменю. Сяду на первый ряд, на этот маленький ясельный стульчик, стану громко хлопать... Ты что, сомневаешься в моей способности хлопать?

Я люблю мужа. Он у меня ответственный. И очень любит детей. Да и выбора у меня нет... В общем, я написала мужу целый список.

Участие в празднике предполагало много ответственных активностей:

– надо проснуться пораньше, чтобы времени хватило на расколдовку настроения: дочка сложно просыпается, сначала в плохом настроении, а потом оно медленно конвертируется в хорошее;

– надо надеть заготовленный наряд конфетки: мы долго выбирали и мастерили его: там и платишко, и жилеточка,

и накидочка;

– надо заплести косички так, чтобы Кате понравилось, заколочки-бантики обязательно;

– надо прийти в сад пораньше, чтобы она успела адаптироваться к новой обстановке;

– надо переобуть сапоги на сандалики, убедиться, что дочь нарядная и в отличном настроении ушла в группу, и только после этого бежать в зал, занимать места на стульчиках.

– Катя там читает стихотворение – это обязательно нужно заснять. Понятно?

Муж кивнул. Заверил, что сделает все в лучшем виде.

Я расцеловала всех в прихожей и улетела в командировку.

23 декабря я проснулась рано, но отвлекать своих сообщениями не стала. Смотрела на время, гадала.

Наверное, просыпаются.

А теперь завтракают.

Надевают платьишко.

Плетут косички.

Уже, наверное, в саду.

Праздник начинается...

И вдруг я получаю сообщение от мужа: «Блин, мы проспали!»

– А-а-а! – набираю воздуха: – А-А-А!

Как же я злюсь! Боже. Как. Же. Я. Злюсь!

Меня аж трясет.

Не мы, а ты! Ты! ТЫ ПРОСПАЛ!

ТЫ должен был встать вовремя и отвести ребенка в сад!

Теперь вся подготовка, все ожидания, все выученные стишки насмарку.

Кое-как соберутся, прибегут помятые, лохматые, впихнут напуганного ребенка в хоровод.

– Все нормально, уже танцует, – пишет муж спустя полчаса.

Я молчу. Казню его игнором.

Он понимает. Он знает, как информативно я умею молчать.

Знаю я, как она там танцует.

– Ей четыре. Она не запомнит, – пишет муж.

Это худшая фраза, какую только можно сказать в этой ситуации, ибо она, как бы, снимает градус напряжения и ответственность с виновных.

– Мне тридцать восемь, – зловеще напоминаю я, – и я запомню!

Тем же вечером я возвращаюсь домой из командировки. Целую детей в прихожей, а мужа – нет.

– Ну, извини. Хватит дуться, – просит он.

Я молча прохожу в кухню.

Мне нечего тебе сказать, человек, неспособный сдерживать обещаний.

Психологи говорят: «Нельзя молчать». Молчание – это накопление недовольства. Это кирпичики злости, из кото-

рых внутри вас возводится Берлинская стена непонимания с партнером.

Чем выше эта стена, тем сложнее будет в итоге докричаться, добраться, доползти друг до друга.

Выпускайте. Говорите. Кричите. Плачьте. Успокаивайтесь и говорите снова. Формулируйте. Проговаривайте. Подбирайте слова. Подлежащее, сказуемое, деепричастие...

Не молчите.

Молчание – это накопление переработанной ненависти с кешбэком в виде латентного нервного срыва и возможного развода.

Ненависть – это пластмасса неудовлетворения. Она не разлагается в почве будней, она застревает в душе, засоряет мысли и травит ваш внутренний мир токсичностью.

Молчать – это запира́ть в себе яд.

Вы не партнера травите молчанием, вы себя травите токсичностью. Себя!

Надо поговорить с мужем. Я, в конце концов, все-таки дозрею, подойду к нему и скажу:

– Как ты мог?

И в этой лаконичной фразе спрячется надрыв и драма всех остальных фраз: «Я что, часто тебя о чем-то прошу?», «Ты же знал, как мне это важно!», «Тебе совсем плевать на меня, да?».

А он скажет:

– Никто не накажет меня сильнее, чем я сам и моя совесть.

Не добивай.

И я уйду плакать в ванную. Жалеть себя.

А потом переоденусь в пижаму, лягу в кровать и залезу в соцсети. Если бы было можно, я бы отвернулась к стене и быстро заснула. Мой организм умеет нырять в сон в любой травмирующей ситуации. Можно сказать, что я свои проблемы решаю в какой-то степени «через постель».

Но мне нельзя засыпать: в стиральной машинке крутится курточка дочери, в которой ей завтра идти в садик. Нужно достирать и повесить на горячий полотенцесушитель, иначе не высохнет до завтра...

Утром я просыпаюсь с тяжелой головой. Вчерашняя ссора, как бульон, перекипела и оставила на голове шапку токсичной накипи.

– КУРТКА! – меня прожигает ужас. Как я могла заснуть? Я! Мегаответственная Я заснула и не высушила куртку дочери!

У нее есть еще одна, но она ее категорически не любит, а значит, утром будут слезы, поджатые губки, испорченное настроение у всей семьи.

Я иду умываться и вдруг замечаю в ванной на полотенцесушителе сохнущую дочкину куртку.

Потрогала – она сухая и теплая.

Это муж. Он увидел, что я заснула, выключил свет, поставил мой телефон на зарядку, дождался окончания стирки, повесил курточку сушиться.

Я хмыкаю.

Как он мог опоздать на утренник? Да так же, как я могла профуфлить свои обязанности!

Мой муж – предельно неидеальный, местами недостаточно пунктуальный, утрамбованный недостатками живой человек. Как любой другой. Как я сама.

Муж, зевая, выходит на кухню.

– Кофе будешь? – спрашиваю я.

– Буду, – он целует меня в макушку.

– Спасибо за куртку.

– Мы квиты.

– Иди ты, – хмыкаю я.

– О, стихи! – радуется муж. – «Мы с тобою квиты», а ты мне «иди ты!»

Я смеюсь. Обожаю его.

* * *

Быть вместе «и в горе, и в радости» обещают люди друг другу, когда вступают в брак.

Почему радость и горе считаются одинаковыми испытаниями?

Радость ведь пережить проще, чем горе, разве нет?

Весной 2020 года людям по всему миру пришлось пережить самоизоляцию. Люди вошли в свои дома и накрепко закрыли двери. Там, за дверями, бушевала пандемия корона-

вируса, а внутри домов – счастье и вкусно пахнет выпечкой.

Но это в идеале. На практике было не так. У кого-то пахло свежеиспеченным батоном, а у кого-то свежесочиненным скандалом.

Самоизоляция стала испытанием для многих семей. Будто людей посадили в тюрьму с детьми, мужьями и женами, свекрами и тещами.

Для кого-то это событие стало горем, для кого-то – радостью.

Изоляция стала для семей уникальным лакмусом любви: есть или нет.

Выжили в полном составе, наедине друг с другом, 24/7 только те, для кого любовь оказалась улицей с двусторонним движением.

Кто понимал, что... Дальше можно фиксировать мысли как фантики для жвачки «Love is».

Любовь – это готовность к компромиссам.

Любовь – это не ждать от человека больше, чем он может дать.

Любовь – это принимать недостатки партнера как данность, а не как драму.

Любовь – это легализовать за партнером (и за собой) право на неидеальность и на возможность не оправдывать чужих ожиданий.

Любовь необходима во все времена, но в сложные – истинная любовь становится настоящим капиталом, отдельной валютой, каждая унция которой бесценна.

Погреться о безусловную любовь другого человека – это главный источник жизненного кислорода.

Весной 2020 появился новый мем, что теперь, прежде чем решитесь выйти замуж или жениться, подумайте: сможете ли вы, если что, с этим человеком сидеть на карантине.

Это смешная шутка на самом деле совсем не шутка: карантин оказался самой что ни на есть правомерной проверкой на прочность для настоящей семьи.

Можно взять этот лайфхак на вооружение всем, кто собирается пожениться, и обязательно отрепетировать хотя бы недельный карантин за месяцок до свадьбы. Чтобы убедиться в правильности выбора и искренности чувств.

Всем любви!

Ждать

Однажды я смотрела видеоурок игры на гитаре. Он длился 20 минут.

И назывался логично и честно: «Двадцатиминутный урок игры на гитаре».

Там преподаватель сел перед камерой с гитарой в руках и сказал:

– Дорогие зрители, в комментариях к моим урокам вы часто жалуетесь, что у вас нет времени научиться играть на гитаре. Я вас услышал. Это видео длится 20 минут. Вы видели это, но все равно открыли его, значит, подсознательно готовы потратить 20 минут на этот урок. Так вот, раз главная ваша проблема в отсутствии времени для обучения игре на гитаре, я решил подарить вам... это время.

20 минут. Немного, конечно, но хоть что-то.

После чего преподаватель поставил гитару на стул и вышел из кадра. И еще девятнадцать минут этого видео в кадре просто стояла гитара, прислоненная к стулу.

«Клянусь, это самый лучший урок игры на гитаре из возможных!» – написал кто-то в комментариях. Я засмеялась, решив, что это сарказм.

А вдруг нет?

Интересно, много ли людей действительно играли на гитаре эти 20 минут.

Если честно, я думаю, что не много.

Этот урок – шикарный тест на мотивацию.

Кризис 2020 для всех нас стал тестом. На истинность наших желаний и мотивацию к их исполнению. На возможность заглянуть внутрь самих себя и узнать, что наши мечты оказались вовсе не нашими, да и не мечтами вовсе.

Однажды я опаздывала за сыном в детский сад. Это было в первый и последний раз. Воспитатель был предупрежден, ситуация под контролем.

Но мне было изнуряюще плохо. Я понимала, что на глазах сына разобрали всех детей из его группы. Что он оглядывался на дверь, и каждый раз в нее заходила не я.

И вот сейчас он один, играет в игрушки или смотрит в окно, распластав ладошки по холодному стеклу. В его глазах немой вопрос: «А за мной придут?»

Возможно, прямо в тот момент он получал психологическую травму, а я стояла в пробке и ничего не могла сделать.

Припаркую тему, а в конце рассказа вернусь за ней.

Леша три года подряд мне рассказывал свою идею для стартапа. По секрету. Я в кругу посвященных – это ценно.

Леше казалось, что его идея – бомба, и что, если ее узнают другие люди, они побросают свои дела и побегут реализовывать его идею, и кто-то сделает это даже раньше самого Леша.

– Только ты никому не говори! – предупреждал он каждый раз испуганно.

– Леш, а вот за три года, что ты с ней спишь, ну, с идеей твоей, ты хоть как-то продвинулся? Ну, что-то сделал, чтобы реализовать? – с любопытством уточняю я.

– Я коплю знания. Присматриваю инвестиции. Жду момент. Заканчиваю проект на основной работе. Вот закончу, потом времени побольше будет...

– А, ну ясно.

Лена пишет диссертацию. Много лет. Пишет, пишет, пишет. Всем вокруг, кроме Лены, очевидно, что диссертация ей не нужна. Потому что если нужна, то возьми и сделай. А не тяни резину многолетней прокрастинации.

– Лен, что с диссером? – спрашиваю я во время созвонов.

– Я в вечном цейтноте, никак не найду время. Вот в отпуск пойду, если никуда не уеду, сяду за диссер.

– А, ну ясно.

Катя собирается худеть. Но пока никак: совещания за совещаниями, головы не поднять, приходится кусочничать, пить кофе с сушками. Катя ждет перевода в соседний департамент, там будет попроще.

Павел хочет выучить английский.

– Паш, хау ду ю ду?

– Пока деньги коплю на нормальные курсы, – смеется Паша.

Вокруг меня много людей, которые что-то собираются делать. Это прекрасные люди, хорошие, уважаемые, порядочные.

Но на их мечты, цели и планы пока нет денег, нет возможности и времени.

Они жили и ждали. Ждали, когда будет.

Ждать – это откладывать на потом. На тот день, когда в одной точке сойдутся и возможности, и желания.

Ждать – это немножко инфантилизм. Если, конечно, ожидание не оправдано обстоятельствами.

Например, у моей близкой подруги родился ребенок с пороком сердца. Нужна была операция. Но им сказали ждать. Хотя бы три месяца. Малыш должен вырасти, окрепнуть, набрать вес.

Вот тут да. Тут нужно ждать. Тут ожидание – это действие, сложное и осознанное.

А просто ждать, когда ситуация сама изменится – это растоптать ладошки на холодном стекле и высматривать маму. Она придет и решит. Решит все твои проблемы, как решала в детстве.

Но чаще всего ждать ничего не нужно. Нужно брать и делать.

Ожидание – это часто еще и страх облажаться, помноженный на осознание рисков.

Моя подруга очень хотела прыгнуть с парашютом. Хапнуть адреналина. Но изучала статистику нераскрытых парашютов и откладывала. Очень боялась умереть. Упасть с неба плашмя на землю.

Потом ее бросил любимый муж, и терять стало нечего.

Она пошла и прыгнула. Двенадцать лет ждала, а тут пошла и сделала.

– Вообще ничего особенного, – сказала она о впечатлениях, – будто исступленно пьешь воздух и сидишь на коленях у чужого мужика (это она про инструктора).

Кризис 2020-го принес с собой новую жизнь и новые возможности.

Люди на месяцы оказались заперты в самоизоляции.

Появилось время, которого раньше не было. Многие сервисы дали бесплатные доступы и подписки к своим ресурсам.

Ну вот же, пожалуйста!

Худей! Учи язык! Пиши диссертации! Пили свой стартап!

Кризис – время ускориться, а не сдать.

Многим из нас дали время и возможности, и мы узнали страшное. Мы узнали, что... не хотели.

Что проблема была не во времени и возможностях, а в том, что **МЫ. ЭТОГО. НЕ. ХОТЕЛИ.**

Думали, что хотели. Нам казалось, что хотели. Но нет.

Оказалось, что даже бесплатный английский и время на регулярный фитнес и на диссертацию не приблизили нас к результату и что онлайн-продукты придуманы для высокомотивированных людей.

Помните припаркованную тему?

В кризис мы все превратились немножко в детей, забытых в саду. Мы ждали, что кто-то придет за нами и спасет, заберет из этой передрыги и исправит. Но никто не пришел.

И нам, быстро поседевшим детям, надо как-то самим брать себя на ручки, забирать из сада и справляться с травмой.

И знаете, мы наверняка справимся. Если научимся верить в себя, слышать себя, понимать, что мы хотим на самом деле, доверять себе и не ждать помощи извне.

Когда моя дочь потеряла слух после перенесенного менингита, мы сделали ей операцию. И теперь у нее под каждым ушком вшиты электроды – это протез слуха. Называется кохлеарная имплантация.

Двадцать два электрода со стороны каждого ушка – это как бы слуховые нервы. Звук поступает прямо в мозг и потом обрабатывается в речевом процессоре, классифицируя звуки на важное и неважное.

Ребенок учится понимать: вот мамин голос – важный, приоритетный. А стук колес поезда – менее важный, неинформативный. А вот птичка поет. Надо спросить у мамы, что за птичка.

Дети учатся слышать и понимать мир.

Для того, чтобы слышать и понимать самого себя не существует кохлеарной имплантации. Когда в собственное сердце вшивается переводчик шепота собственного сердца. Нет таких электродов. Надо расшифровывать свои истинные же-

лания самим.

Но это интересное занятие для тех, у кого есть на него время.

«Сейчас не время», – часто думаем мы, перед тем как отложить что-то, что казалось нам важным.

А я думаю: всегда не время для человека, который просто не хочет.

Умеете играть на гитаре?

Жить

Мы год копили на семейный отдых.

Полетели втроем в Египет: я, муж и сын.

Море, солнце, ол инклюзив.

Я предвкушала счастье.

Настояла на покупке тура сильно заранее, потому что длительное предвкушение удовольствия тоже входит в стоимость.

Прилетели в Шарм-эль-Шейх, заселились в отель, искупались в море.

У меня тут же сгорел нос, но на концентрацию счастья такие мелочи не влияют.

Вечером взяли такси, поехали гулять в город. Шли по улице и наслаждались местным колоритом.

Сыну было четыре года. Он попросил мороженое.

Веселый смуглый дяденька стоял за прилавком в костюме эскимо. Он наскреб специальным круглым половничком пломбира в вафельный рожок, протянул ребенку мороженое, а к нему – пластмассовую разноцветную ложечку. Очевидно же, что ложечкой есть даже вкуснее.

Мы с мужем шли по другому континенту, по удивительной улице, запруженной необычными, непохожими на москвичей, жителями; впереди вприпрыжку скакал наш сын и ел мороженое.

Я испытывала искрящееся дистиллированное счастье.

Вдруг сын обернулся и что-то спросил у меня, при этом он держал ложечку около рта.

Я заметила, что ложка будто... откусана, в ней не хватает острого треугольного кусочка пластмассы.

А мороженщик точно давал нам целую, я запомнила.

Я бросилась к сыну, схватила его за плечи:

– Ты откусил ложку? Отвечай! Откусил?

– Фто? – напуганные глазищи ребенка наливаются слезами.

– Ты проглотил? Проглотил? Острый кусок пластмассы проглотил?

У меня бешено колотилось сердце. Я представила, как треугольный кусок ложки попадает внутрь и распарывает пищевод моего ребенка. Минута – и внутреннее кровотечение.

А я в чужой стране и понятия не имею даже, как вызвать скорую!

Меня сильно затрясло, муж побледнел, сын ничего не понял, но на всякий случай заревел.

– В отель! Такси бери, мчим в отель, там хоть инет есть, – ору я мужу.

Мы срываемся с места, бежим к машине, прыгаем внутрь, напугав водителя, напряженные, озадаченные, экстренно мчим по пробкам к спасительному вайфаю.

В лобби я пишу гиду сообщение, а потом, не дождавшись мгновенного ответа, звоню.

Я понимаю, что, если скажу обтекаемое: «Кажется, ребенок проглотил кусочек пластмассы», никто не придет и не спасет. Это звучит нестрашно, будто всполошенная мамашка просто кудахчет, создав проблему на пустом месте.

– Ребенку распорол пищевод, – сухо сообщаю я в ответ на беззаботное «алло» гида.

– Что-о-о?

Гид прилетел в отель через 15 минут, мы прыгнули в его машину, схватив с собой деньги и документы, и помчали в больницу.

По медстраховке, которая у нас, разумеется, есть, мы вправе обратиться не в любую клинику, а в ту, что указана в страховке.

«Только бы не ветеринарка», – испуганно думаю я. В голову лезет только страшное.

С врачом мы говорили через гида – он переводил.

Нет, нельзя рентген. Нет, нельзя УЗИ. Нет, нельзя МРТ. Это бесполезно. Такой кусочек не увидим. Ждите от двух до семи дней, как вошло, так и выйдет. Вот таблетки. Нет, не ребенку, а матери. Пусть успокоится. Дети вон стекла глотают и ничего.

Я смотрела на врача, как на пришельца с другой планеты, и никак не могла понять, как он сохраняет такое ледяное спокойствие в экстренной ситуации, когда у ребенка в любой момент может случиться внутреннее кровотечение! Что за уровень медицины такой? Мезозой?

Я вдруг все поняла.

– Миш, он просто не хочет лечить нашего ребенка! – прошептала я побелевшими губами, впадая в отчаяние.

– Скажите ему, что мы дадим денег! – попросил гида напуганный муж. – Взятку или как тут? Пусть не по страховке, а как частников лечат. Обычно с частников дерут даже за ненужные процедуры. Вот пусть узи-шмузи делают...

Гид перевел врачу этот пламенный спич, тот засмеялся.

При чем здесь деньги? Просто наблюдайте за ребенком, приезжайте, если станет хуже. Но это практически исключено. Все само выйдет. У меня следующий пациент, не задерживайте.

Нас навязчиво выставили из кабинета.

На обратном пути в машине было разлито гробовое молчание. Хотя гид был веселый: он трактовал ситуацию как «все обошлось». Я была подавлена. Я трактовала ее как «всем плевать».

Уставшие муж и сын дремали.

В номер мы вошли за полночь.

– Ну, звоните, если что, – сказал гид и сбежал в свою жизнь.

Сын спал, свернувшись комочком. Муж распластался на кровати и храпел.

Меня до макушки затопил страх.

У меня нет запасных детей, только вот этот, самый любимый на свете мальчик. Я слушала дыхание сына и не могла

расслабиться. Уровень тревожности на максимуме.

Прикорнула под утро.

Перед тем как заснуть, сходила на ресепшен и раздобыла... горшок. Сыну почти четыре года, и он давно ходит в обычный туалет, но тут другой случай.

Мы теперь ждем. Чуда.

Муж с сыном проснулись бодрые.

– Мы сейчас позавтракаем и пойдем в аквапарк! – заявил муж.

«Нет, я разведусь с этим равнодушным бессердечным человеком!» – со злостью подумала я.

– Какой аквапарк? А если вдруг что?

– Что? – не понял муж. – Ты предлагаешь сидеть в номере и смотреть на ребенка? Поставить отдых на паузу? Нам сказали наблюдать! Вот я и буду наблюдать, как мой сын катится с горки, а не сидит, бледный, в номере.

И они пошли в аквапарк.

Потом на море.

Потом на обед.

Я ходила за ними как тень, но не жила, а ждала.

Это разное. Я не веселилась, была напряжена, без устали высматривала в ребенке признаки бледности. Но сын был весел, счастлив и подвижен, и никаких признаков недомогания не демонстрировал.

Перед дневным сном он сходил на горшок, и я коршуном бросилась на «добычу», искать пластмассу. Но ее не было.

Было много переработанного продукта жизнедеятельности, а пластмассы – ни грамма.

Значит, она еще внутри. Продолжаем наблюдать.

На третий день муж предложил съездить на экскурсию в город. Увидев мои расширяющиеся от ужаса глаза, успокоил.

– Ты можешь взять с собой горшок, раз ничего, кроме этого, тебя не интересует.

Муж вышучивал мой страх, как бы обесценивал его. В ответ на мои истерики говорил, что выбирает услышать, что сказал врач, а не внутренний паникер. Что он тоже переживает, но предпочитает концентрироваться на хорошем, а не плохом.

– Просто ни гиду, ни врачу нет дела до нашего сына, – хмуро бурчу я, вернувшись минуту назад из туалета, в котором распотрошила горшок с очередной порцией долгожданного г...вна, но не нашла в нем ничего нового.

Мы поехали на экскурсию в город.

Я ничего не запомнила.

Есть такой анекдот про мужика, который прилетел в Голландию и пил там беспробудно. На вопрос друзей, как ему Голландия, он честно ответил: «Ну и пьют в этой вашей Голландии!» Вот и я так.

Я не запомнила Шарм-эль-Шейх и его колоритные красоты, запомнила оранжевый горшок с треснувшей спинкой.

Муж с сыном брали от этого отдыха все. Там рано темно-ло, уже где-то к 18:00 сгущалась тьма, и они вечерами брали фонарики и шли на экскурсию... по крышам близлежащих отелей.

Это было весело и интересно. Они приходили, взбудораженные приключением, каждый раз с новыми находками: то глиняную фигурку повара принесут, то пойманного сверчка, то забытые кем-то нарукавники.

Я же даже не загорела толком, хотя загорать очень люблю. И купаться.

И радоваться жизни.

Но я была занята более важным делом – страдала. Была бледна и подавлена.

На седьмой день я пошла исследовать утренний стул сына и обнаружила там кусочек пластмассы.

Он вышел! Совершенно спокойно и безболезненно.

Я сползла по стене в ванной комнате и разрыдалась. Меня отпускала паника, сдувалась, как воздушный шар.

Я наплакалась всласть и... пошла собирать вещи – вечером самолет.

Муж с сыном ушли в аквапарк, полетать с горок на прощание.

Я упаковала наши пожитки в чемодан, села на кровать и вдруг осознала страшное: я пропустила отпуск.

Просто не заметила его.

Заметила страх, панические сны, усталость от ожидания.

А солнца и долгожданного счастья – не заметила.

Мой муж жил, а я ждала... г...вна. Вся неделя – тягучее ожидание новой порции.

И все. Все семь дней превратились в это содержание горшка.

Но самое страшное тут даже не это, а то, что я сама это выбрала.

Муж тоже любит сына и тоже волновался. Но он выбрал жить.

Он не превращал свое «сегодня» в «черное сегодня» ожиданием «черного завтра». А я превращала.

Яркий день – в черное, дурнопахнущее сегодня, и завтра, и послезавтра.

Это такая метафора бомбическая.

Вся наша жизнь полна опасностей. Никто от них не застрахован.

Болезни, аварии, эпидемии, пандемии, ДТП, форс-мажоры, цунами, землетрясения, сосульки, падающие с крыш, обстоятельства непреодолимой силы.

Все это может случиться с каждым. И каждый волен выбирать, как ему жить: вжав голову в плечи в ожидании, что в любой момент обвалится потолок, или кирпич прилетит по темечку, или просто жить и радоваться весне.

Означает ли эта тактика, что кирпич не прилетит? Нет. Она лишь означает, что ты сконцентрирован на будничном счастье, а не на кирпиче. На том, что у тебя есть, а не на том,

чего нет.

Жить и не ждать г...вна – это знаменатель таланта быть счастливым.

Счастье – это выбор.

Как просто и как мудро.

Я усвоила урок.

Я теперь всегда выбираю счастье, по крайней мере, стараюсь. А если замечаю, что срываюсь в деструктивные мысли, сама над собой шучу: «Опять оранжевый горшок притащила? Он у тебя встроенный, что ли?»

Живите ярко, дышите морем, а не г...вном.

А если вдруг завоняло, то заметьте это и избавьтесь от встроенного горшка с его содержимым.

Помните, счастье – это выбор, который вы делаете каждый день!

Не сдаваться

Самый сложный в финансовом плане год пришелся на мои пятнадцать лет.

Денег не было, еды не было.

Осенью на даче мы с мамой накопили два мешка картошки. Это была наша инвестиция в зиму.

Мама отчаянно искала варианты подработки, приезжала домой разбитая и уставшая, ложилась на диван плакать.

Папа пил. Где находил алкоголь и на что выменивал – непонятно. Продавать в доме было уже нечего.

Мама шипела на папу вечерами, думая, что я не слышу: «Лучше бы о дочери подумал, водку на макароны выменял».

Но я все слышала.

И понимала.

И мне было страшно.

Казалось, что еще немножко, и мы станем умирать с голоду.

Штаны мои совсем износились, обувь чавкала, заикаться об этом было бесполезно: только добить маму бесконечным списком незакрытых потребностей.

В тот день мама пришла домой рано и объявила побелевшими губами:

– У меня украли деньги.

– Какие деньги?

– Я заняла, а у меня из кошелька вытащили.

– Как? Где? Когда?

– Это важно? – зло спросила мама.

И легла. По дому разнесся стойкий запах валокордина. Она тяжело дышала.

Нет, не важно. Важно лишь то, что мы теперь не просто на нуле, а в минусе.

Я пошла на кухню, сварить картошки на ужин. Еда меня успокаивала.

Особенно когда меня трясло от страха.

Ночами в тот период я долго не могла уснуть: мысли об ужасах безденежья безжалостно атаковали.

Из-за недостатка информации, наивности и недалекости я совершенно не учитывала имеющихся активов (дача, квартира), в моем понимании было так: как только закончится еда, мы просто ляжем и умрем.

Ведь нет того телефона, позвонив по которому можно сказать, что по вот такому адресу нечего есть, и тебе привезут пельмени.

И почему-то я четко помню, что мне было очень стыдно. Хотелось скрыть, что денег нет, изображая беззаботность. И как-то особенно обидно было замечать у одноклассников новые портфели, сапоги и кофты.

Меня это триггерило. Слово такое модное – триггер. В пе-

реводе означает: цепляло, било по мозолям.

Помню, что было самое начало февраля.

Я смотрела в окно на угрюмую бесснежную мглу и чистила картошку.

Почистила девять картофелин. По три на каждый рот. И поставила варить.

И тут...

Я импульсивно решила пересчитать оставшуюся картошку. Чтобы понять, сколько времени у нас на голод.

И пересчитала.

Получилось что-то около трехсот картофелин.

Если есть только картошку каждый день, то хватит на целый месяц. А если есть не по три, а по две картошки, то на два. А если есть не каждый день...

Меня это успокоило. Два-три месяца гарантированно есть, что есть.

Это хорошо. Это время, за которое что-то непременно изменится к лучшему.

Обстоятельства. Или я.

В ту ночь я заснула легко и крепко.

Дальше я стала думать.

Мне пятнадцать. Кто может взять меня на работу? Неофициально.

Помыть пол (я умею), принести что-то (я сильная), приглядеть за кем-то (я ответственная) или что-то в этом роде. Может, на рынке?

Маме говорить ничего не стала. Скажу, если найду подработку. А если не найду, зачем ее расстраивать?

Я стала искать. И пересчитывать дни в картошки.

Я была очень стеснительная девочка, сложно вступала во взрослую коммуникацию, плюс подростковые прыщи, щедро и хаотично заполонившие мое лицо, заставляли меня ходить, низко опустив голову.

Но картошки каждый день оставалось все меньше. И это заставляло меня стучать в палаточки на рынке и спрашивать: – А вам не нужны помощники?

Когда картошек осталось чуть меньше двух сотен, я нашла тетю Клару. Она работала на Домодедовском рынке, торговала конфетами. Не самый ходовой, но веселый товар.

У тети Клары был роман с грузином, который торговал овощами на другом конце рынка.

Тетя Клара бегала на свидания, а меня оставляла дежурить вместо себя.

Платила конфетами и сезонными овощами от ухажера. В зарплату входило условие – хранить тайну. Если спрашивали про Клару, полагалось отвечать, что у нее крутит живот.

Клара обесценивала любовь до диареи, чтоб никто не догадался. Но рынок – это маленькая мафия, там ничего не скроешь, и, когда я на вопрос соседок отвечала про живот, все понимающе хмыкали и шутили, что живот ее болен гогиной (производное от ангины и Гоги).

Меня устраивало. Я сидела в теплой палаточке с обогрева-

телем и делала уроки. С карамелькой за щекой. Домой приносила шоколад, зелень и иногда мясистые помидоры.

Сначала врала маме, что угостили.

Потом призналась.

Мама рыдала в голос: «Моя дочь – отличница, идет на красный диплом – на рынке! В грязи!»

– Почему в грязи? – защищала я чистоплотность тети Клары. – Там чисто и тепло.

Я проработала там сто картошек. Ой, то есть чуть меньше месяца. Потом мама нашла работу, а тетю Клару уволили за то, что она крутит хвостом, а конфеты не продает.

А еще мы с мамой поехали на дачу и рано посадили новую картошку. Потому что была ранняя весна.

А я еще, хоть и ненавижу возиться в земле, посадила грядочку с укропом.

Я очень благодарна тому опыту и мешку картошки.

Я так много поняла в свои пятнадцать.

Неопределенность пугает сильнее, чем голод.

Если я не могу изменить общую неопределенность, я могу создать прямо в ней островок определенности, например, посчитать свою картошку.

Картошка – это ресурс.

Плохая новость: он ограничен. Мешок, всего мешок.

Хорошая новость: он есть. Мешок! Целый мешок!

Можно учиться питаться меньше и реже – и растянуть свой мешок картошки на подольше.

А можно искать возможности дополнить мешок новой картошкой, преодолевая комплексы и обнаруживая в себе смелость, о которой раньше даже не подозревал.

Чем меньше картошки, тем ты смелее и находчивее. Тем яростнее ты решаешь проблемы, открывая себя для самого себя. Я и не подозревала, что я такая крутая, в относительной сытости это было неочевидно.

Когда совсем сложно, открывается второе дыхание и дополнительный ресурс. Я знаю это точно, я несколько раз проходила точку предельной паники и неподконтрольности ситуации.

Лучший в мире финансовый коуч – жареный петух.
И пустой мешок картошки.

И понимание, что ты можешь больше, чем кажется.

Двадцать лет прошло, а меня до сих пор успокаивает мысль о том, что внутри живет суперсила, просто ее нельзя использовать вхолостую.

Это как поливать грядку с укропом в дождь. Глупо же. И перелить можно. Лучше дождаться, когда земля засохнет – и полить благодарную почву. И наслаждаться тем, как воспрял укропчик.

А еще... Я ведь именно тогда научилась готовить. Сто-тыщмиллионов блюд из картошки.

Вареная, жареная, тушеная, печеная, в мундире...

Потому что фишка в том, что назло любым обстоятельствам нужно уметь вкусно жить. Поджаристо, с маслицем сливочным, податливо обволакивающим шероховатую горячую картофелину, с укропчиком.

Кстати, тем летом был какой-то сильнейший ураган и катаклизм с заморозками летом. Мы боялись за урожай и за картошку. Но все обошлось.

И мой укроп выстоял и даже прическу не испортил. И был зелененький, веселый и лохматый, вопреки всем обстоятельствам.

Я, наверное, с тех пор по жизни и сама немножко укроп...

Бороться

Сева и Мила переехали жить из города в село. С детьми и пожитками.

Они с момента появления детей мечтали об этом шаге: им обоим казалось, что земля – это надежность и сила. Она всегда прокормит и спасет.

А еще – природный простор, не заставленный коробками новостроек: бегай – не хочу.

Сева, эмигрировав в деревню, сразу устроился работать на молочно-товарную ферму пастухом, хотя до этого всю жизнь ходил в море.

Из моряков в пастухи – карьерный рост кардинальный, но Сева искренне радовался таким долгожданным переменам.

Он по жизни был очень упрямым и целеустремленным человеком, с крутым нравом и неоспоримым лидерством в семье. Поставил цель – сделал, без всяких-яких.

Через неделю Сева привел в семью телочку. Ну, в смысле корову.

Корова в семье – это кормилица. Особенно в семье с тремя детьми.

Мила была очень рада. Дети – тем более. Нового «члена семьи» назвали неоригинально – Буренка.

Мила слышала от людей, что собаки обычно похожи на своих хозяев. Но не знала, что коров это тоже касается.

Буренка по характеру была вся в Севу: своенравная и целеустремленная.

А еще эта корова, видимо, решила, что она кошка и может гулять сама по себе. И гуляла.

Ее напрягали только окружающие люди, которые ничего не подозревали о ее кошачьем характере и решали за Буренку, куда ей нужно идти, например, вечно толкали в стадо.

Еще чего! Нашли дуру!

Буренка права свои отстаивала рьяно.

Дело в том, что стадо пасется на холмах, там, где растет полынь. Вы пробовали полынь на вкус? Горькая, кислая, острая. Тьфу! Ну, гадость же!

А коров заставляют это есть. Изверги!

Это притом, что рядом – колхозное поле люцерны, вкусной и сочной, которую почему-то есть нельзя.

Значит, наливной фиолетовый клевер нельзя, а полынь можно?

Это кто так решил? Привет ему!

Буренка сама в состоянии определить свой рацион.

Корова жевать полынь отказывалась категорически и ущемлять свое право на люцерну никому не позволяла: постоянно сбегала из стада.

Уж и гоняли ее, и свистели, и кричали, и грозили. Буренка плевала на правила, придуманные для других коров, и весело жила по своим.

Сева, сколько себя помнил, с момента появления коровы

только и делал, что тащил ее в полынь. Сначала сам, один (приговаривая «Ядрёна-корова!»).

Потом с братьями («Ребят, подсобите!»). Потом с соседями, потом с вилами и мотыгами всем селом.

Шесть половозрелых вооруженных мужиков с трудом под конвоем доставляли эту своенравную корову туда, где ей место.

Буренка протестовала, отбивалась, сбегала. Сева понял, что за лидерство в семье еще придется побороться.

Но есть одна проблема: Сева – бывший моряк. Он ничего не знает про коров. И погуглить негде: нет в селе интернета, да и нигде еще нет – история случилась 30 лет назад.

Сева пошел к дедушке, живущему на краю деревни. Дедушка был сельский мудрец и эксперт по всем вопросам. Экспертность его была обусловлена опытом и возрастом.

– А что советовать-то тут? Обвяжи ей рога веревкой да тащи, как собаку. По-другому никак, – постановил дедушка.

Сева послушался.

На следующее утро все село наблюдало акробатический номер: как Буренка тащит Севу за собой как куль с картошкой. Для сюжета хорошо бы было красочно описать, как она раскручивает на веревке, привязанной к рогам, Севу, а тот летает по кругу и орет, а потом красиво отстыковывается и мастерски улетает в кусты смородины.

Но по факту был Сева, едущий по полю на голом животе, полет был непродолжительный, и смородина помятая тоже

была.

«Ну, Сева! Мы думали, ты моряк, а ты, оказывается, еще и летчик!» – хохотало потом село.

Думаю, директор цирка Дю Солей просто не был знаком с Буренкой, а так он бы любые деньги и всю люцерну в мире отдал, чтобы сделать ее примой своего цирка.

Пока Сева со своим веревочным лассо выкарабкивался из кустов, потирая ушибленное бедро и приговаривая: «Ядрёна-корова!», Буренка гордо ушла в люцерну. Чтобы эти наивные люди знали, кто тут главный, и не думали, что ограничить свободу коровы-оппозиционера так легко.

Дальше ситуация стала усугубляться. Случилось страшное. Страшно милое, точнее.

Буренка влюбилась.

И не в кого-нибудь, а в корову Севиного начальника.

Буренка секла в вопросах субординации и выбирала лучшие, высокодойные объекты для любви, игнорируя простолюдинов (простокоровов?).

Притом что сама Буренка каждый день давала в нежные руки Милы ровно три литра молока и ни грамма больше, вокруг существовали более эффективные, удивительные коровы-стахановцы, которые могли за сутки дать от двадцати до тридцати литров молока.

Вот такую и выбрала себе Буренка в качестве объекта любви.

Высокодойную пятнистую сговорчивую красавицу звали

Лидочка.

У Лидочки было огромное вымя и рыжее сердечко на боку.

Влюбленные спалились очень тривиально. Лидочка вдруг стала приходить домой пустая, хотя обычно приносила в вымени десятки литров молока.

Начальник Севы, хозяин Лидочки, недоумевал: кто ворует молоко?

На каком этапе? Как найти и обезвредить молочного маньяка?

Начальника звали Василий Петрович, но в душе он был настоящий Шерлок и, не обделенный навыками дедукции и слежки, быстро вычислил схему преступления.

Шерлок Петрович пришел однажды к Севе и говорит:

– Тут такое дело: твоя Буренка сосет мою Лидку. И та домой пустая приходит.

– Не может быть! Что это за коровий беспредел? – не поверил Сева сказанному на слух. И завтра же убедился в этом на глаз.

Ах, Буренка, вот ведь гулящая корова какая! Развратница!

Из забавного: Шерлок (ну уж будем так его звать, чтоб не запутаться) был на десять лет моложе Севы, хотя по субординации – начальник, и, приходя к Севе домой по такому деликатному вопросу, как опустошенное вымя коровы, всегда так краснел и смущался, что неловкость выплескивалась

за пределы их двустороннего диалога. И в итоге все вокруг: и Шерлок, и Сева, и Мила, и дети ходили красные и смущенные, будто свеклой перемазанные.

С влюбленными коровами следовало что-то решать. Быстро и четко.

Дедушка с окраины деревни, чья экспертность с момента эпизода с веревкой и рогами сильно пошатнулась, был, тем не менее, щедр на новые советы.

Он предлагал вымазать вымя Лидочки перцем – не помогло.

Горчицей – не помогло. Мылом – не помогло.

Лидия по-прежнему приходила домой пустая, а Буренка – довольная. Это притом, что, даже высосав из Лидочки двадцать литров молока за день, Буренка давала Миле свою жесткую норму – три литра в день, и все.

Тогда Сева перестал слушать чужие советы и решил вот что: «Смастерю-ка я корове намордник!»

Да, обычно так не поступают, но и коров таких буйных, как Буренка, раньше ни Сева, ни долгожители села, не встречали.

Сева изготовил Буренке прекрасный авторский намордник с деликатно торчащими из него маленькими гвоздиками. Получилась такая Буренка, проглотившая ежика.

Корова ходила с ним неделю.

Итог: намордник не помешал ей ни травку щипать, ни Лидку доить.

«Ну, дает! Ядрёна-корова!» – в ярости подумал Сева и психанул.

Вбил в намордник огромные устрашающие гвозди десятисантиметровые. Один такой гвоздяра легко проткнет вымя другой коровы, продырявит или гарантированно расцарапает его до крови.

Великую утреннюю проходку Буренки с грозным намордником на лице (на морде, точнее, но в случае с симпатичной Буренкой – на лице!), в сопровождении свиты из шести brutальных мужиков с вилами, село запомнит надолго.

А толку?

Лидочка вечером снова пустая пришла.

Село хохотало.

Все обожали Буренку и опасливо радовались, что это не их корова.

Но оставался главный вопрос на повестке дня: как? Как они это делают, паршивки?

Шерлок с Севой решили проследить за коровами вместе. Общая молочная проблема сплотила их и впоследствии сделала лучшими друзьями.

Картина, открывшаяся двум засевшим в засаде разведчикам, была эпичная.

Гордая Лидия игриво укладывалась на зеленом удобном пригорочке, аккуратно и развратно раскидывала ноги (второе имя Лидочки, вероятно, Шэрон Стоун) и подставляла подружке вымя, полное молока, а Буренка осторожно, чтобы

не повредить Лидочку гвоздями, аккуратно сосала молоко. Вот ведь молочные бунтарки! Шок!

Сева понял, что единственный способ перестать воровать нервы у Шерлока, а молоко у Лидии Шерлоковны – это изолировать Буренку от стада и никуда не пускать.

Личный карантин, так сказать, у отдельно взятой коровы. Решили они с Милой посадить Буренку в сарай. А куда еще? Сарай отныне должен был, по задумке хозяев, стать для коровы тюрьмой. Не хотела по-хорошему? Получай!

Вечером Буренка покорно прошла в камеру, демонстрируя образцовое поведение заключенного. Даже жалко ее немножко стало: хорошая корова-то. Характер плохой, а корова – отличная.

Рано утром Мила пошла доить Буренку, а ее нет. Как говорится, «как корова языком слизала» – пусто!

– Буренку украли-и-и! – испуганно закричала Мила и айда будить мужа: может, воры не далеко ушли? С упирающейся-то коровой? (а Буренка точно будет упираться, она ненавидит, когда кто-то что-то решает за нее).

Сонный Сева, в одних портках прибежавший на звук истерики жены, с удивлением обнаружил, что и замок, и ключ – все на месте и в порядке.

Какие-то слишком вежливые воры с филигранно тихим похищением.

Прямо фокус, а не преступление!

Тут же прибежал соседский мальчишка и наябедничал,

что «ваша Буренка опять на колхозном поле люцерну хомячит».

Одна. И никаких воров вокруг.

Мистика! Как можно сбежать из запертого сарая? Как? Сева ненавидел ребусы.

Утром следующего дня он уже сидел в засаде, в мокрой росе, в ожидании разгадки. И лично видел, как на заре, часам к пяти, с первыми лучиками солнца через крохотное оконце (два метра от пола) наглухо запертого сарая грациозно просачивается не худенькая Буренка, грузно плюхается на клумбу под окном, вскакивает и, пугливо оглядываясь, яростно шаршит в сторону поля с люцерной.

Ядрёна-корова! Не желает самоизолироваться! Ни в какую!

Вы знали, что коровы умеют сигать из окон? Так знайте! Умеют!

Сева чертыхнулся, вылез из укрытия и решительно пошел к сараю, где намертво заколотил оконце.

После чего вернул угрюмую Буренку на место, в камеру.

Теперь это не просто камера – настоящий карцер! Сама напросилась!

На следующее утро Мила снова пошла доить Буренку, а коровы и след простыл. Нет коровы! Опять! Да сколько ж можно!

Только откуда-то из-под земли гневное мычание раздается.

Стали разбираться, откуда звук. Мать честная! Эта несносная корова в подвале! В соседнем сарае!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.